

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

Международная научная конференция

**ОБЩАЯ ФОНЕТИКА
И БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ**

К 130-ЛЕТИЮ АННЫ АБЕЛЕ

Санкт-Петербург,
15–16 сентября 2011 года

Тезисы докладов

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2011

Редакционная коллегия:

А. В. Андронов
Л. Лейкума
Д. Микуленене
П. А. Скрелин

Редактор английского текста
О. Н. Глотова

«Общая фонетика и балтийские языки: К 130-летию Анны Абеле». Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2011 года). Тезисы докладов / Ред. колл.: А. В. Андронов, Л. Лейкума, Д. Микуленене, П. А. Скрелин. — Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 32 с.

ISBN 978-5-8465-1156-9

© Коллектив авторов, 2011

© Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета, 2011

**«ОБЩАЯ ФОНЕТИКА И БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ:
К 130-ЛЕТИЮ АННЫ АБЕЛЕ»**
Международная научная конференция
Санкт-Петербург, 15–16 сентября 2011 года
Тезисы докладов

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99

Авт. л. 1,48. Печ. л. 1,81. Тираж 100 экз. Заказ №

Филологический факультет СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

ОНУТ филологического факультета СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

Анна Абеле (1881–1975)

1 мая 2011 года исполняется 130 лет со дня рождения Анны Абеле — известного специалиста по балтийским языкам, латышской диалектологии, основателя экспериментальной фонетики в Латвии.

Лингвистическое образование Анна Абеле получила в Петербурге, где она училась на Высших женских (Бестужевских) курсах — в руководимой И. А. Бодуэном де Куртене группе общего и сравнительного языкознания, работала в Университете в возглавляемой Л. В. Щербой лаборатории экспериментальной фонетики, написала первые научные труды.

Международная научная конференция, организованная Санкт-Петербургским государственным университетом, Латвийским университетом и Институтом литовского языка, посвящается юбилею учёного.

Алексей Викторович Андронов
(Санкт-Петербургский государственный университет)

О подготовке к изданию трудов А. Абеле¹

К 130-летию со дня рождения А. Абеле планируется обобщить все её публикации в одном издании (предполагаемый объём около 500 страниц). Кроме указанных в наиболее полной библиографии А. Абеле работ («Ceļi», XI (1963), 60.–63. lpp.) в сборник войдут опубликованные в Праге рецензии на три первых выпуска журнала «Filologu biedrības raksti» («Slavia», I, s. 637–638; II, s. 189–190 (1923)), рукопись латышской версии статьи о продлении гласных в западнославянских языках (Латвийский государственный исторический архив, ф. 7427, оп. 13, д. 2, л. 69–88), несколько отличающаяся от опубликованного чешского текста («Slavia», IV (1925), s. 433–445), и вышедшая в свет в 1972 г. работа о вопросах латышской орфоэпии («Ceļi», XV (1972), 42.–48. lpp.).

Редактирование текстов при подготовке к публикации касается следующих аспектов:

— приведение орфографии всех встречающихся языков (латышского, русского, немецкого, чешского, польского, французского, голландского и др.) к современной норме, при сохранении собственно языковых особенностей оригинальных текстов;

— стандартизация библиографических ссылок и списка литературы, проверка цитат; в соответствии с практикой своего времени А. Абеле нередко сообщает лишь место публикации (без имени автора и названия), встречаются и неточные цитаты; общая библиография трудов предшественников и современников, на которые опирается и с которыми полемизирует А. Абеле (более 200 работ, зачастую весьма трудно доступных) является прекрасным свидетельством всестороннего знакомства автора с релевантной научной литературой и представляет самостоятельный интерес;

— внешнее форматирование текста (последовательное использование курсива для примеров, перечерчивание иллюстраций и др.) и исправление замеченных опечаток.

¹ Редакционная коллегия — А. В. Андронов, Л. Лейкума, Э. Трумпа — благодарит за консультации и помощь С. Берг-Ульсена (Осло), В. Блажека (Брно), Р. Дерксена (Лейден), А. Ф. Милюхину (Санкт-Петербург), Н. Д. Светозарову (Санкт-Петербург), Е. Ю. Федорину (Грейфсвальд).

В издании трудов А. Абеле целесообразными представляются некоторые комментарии (например, относительно используемых методов экспериментальных исследований), а также указатели рассматриваемых примеров, говоров, имён исследователей и терминов (понятий).

При работе над сборником постепенно накапливаются сведения о жизни и научном творчестве А. Абеле: пополняется библиография публикаций о ней, отзывов на её работы (обзоры Л. Копецкого, В. Чихаржа), выявляются архивные материалы (ср., в частности, характеристики А. Абеле, данные И. А. Бодуэном де Куртенэ и Л. В. Щербой, Я. Эндзелином, Ю. Плакисом, Э. Блесе и П. Шмитсом) и т. п. Эти материалы могли бы со временем составить самостоятельный том — приложение к сборнику работ А. Абеле.

Александр Семёнович Асиновский
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Проблемы изучения просодики в младописьменных языках

В описаниях звукового строя младописьменных языков вопросы супрасегментной фонетики, как правило, остаются наименее разработанными. Многие академические описания младописьменных языков содержат пассаж о том, что «ударение требует дополнительных исследований и будет описано в дальнейшем».

Сам формат академической грамматики предполагал обязательную главу, посвященную ударению. Таковая глава непременно появлялась, но сам термин «ударение» и фонетическое содержание, наполняющее понятие ударного слога, требуют уточнения.

Упомянем здесь следующие явления звукового строя:

- различные типы фонетической цельнооформленности словоформы;
- комплекс звуковых средств, связанных с синтагматическим членением высказывания;
- логическое ударение, обусловленное коммуникативным контекстом реализации высказывания.

Нашим предметом будут явления, связанные с различными типами фонетической цельнооформленности словоформы в чукотско-

камчатских языках, в частности, чукотском, керекском и ительменском.

Языки этой группы являются префиксально-суффиксальными, с отчетливо выраженной агглютинацией и широко используемой инкорпорацией. Эти обстоятельства показывают, что морфемная структура словоформы в этих языках весьма сложна.

Вокалические подсистемы в чукотском, керекском и ительменском языках очень существенно различаются и по своему составу и по функционированию: в чукотском и ительменском пять гласных, в керекском — три. Во всех трех языках, как и в других языках чукотско-камчатской группы, особый статус имеет так называемый «нейтральный гласный».

Для уточнения фонетического содержания того, что понимается под ударением в младописьменных языках, следует обратиться прежде всего к тому, какие просодические средства используются в системе языка для обеспечения фонетической цельнооформленности слова.

Материал чукотско-камчатской языковой группы позволяет увидеть три способа реализации фонетической цельнооформленности слова: сингармонизм по подъему в чукотском языке, сингармонизм по лабиализованности в ительменском языке и акцентную гармонию в керекском языке.

Словесного ударения индоевропейского типа, по нашим наблюдениям, в агглютинирующих языках не представлено. Основываясь на материале младописьменных агглютинирующих языков можно высказать предположение, что для языковой системы обязательным является не ударение, а специфический механизм фонетической цельнооформленности слова.

Ilze Auziņa, Guna Rābante

(Institute of Mathematics and Computer Science, University of Latvia)

The prosody of yes / no questions of Latvian

The aim of the paper is to analyze the prosody of yes / no questions (general interrogative sentences) with particle *vai* in sentence initial position and to describe fundamental frequency (F0), accent and intensity of the sentence. The prosody of read sentences is analyzed and results are compared with questions in spontaneous speech. An attempt has been

made to capture the typology of Latvian interrogative prosody of yes / no questions.

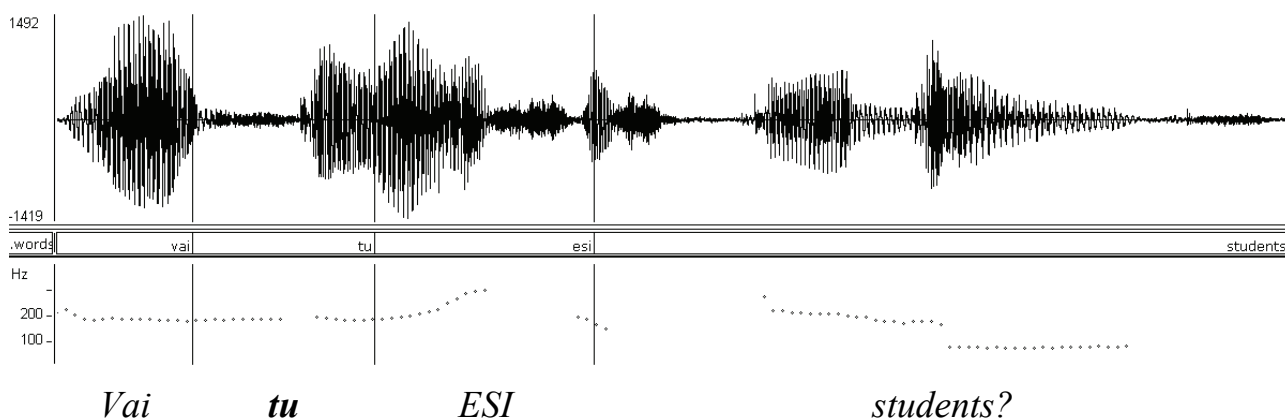
Yes / no questions in Latvian are usually formed with particle *vai* in sentence initial position, for example: *Vai tu ej uz skolu?* ‘Are you going to school?’; however, they can also be formed by maintaining the same word order as in a statement, but raising the pitch towards the end of the sentence, for example: *Tu ej uz skolu?* ‘Are you going to school?’

The source material consists of questions read by 5 speakers (3 female, 2 male aged 23–33). The questions and different answers were given. The speakers were asked to read the questions several times and place the main stress in a way to prompt the suggested answer, for example, *Vai tu esi students?* — *Jā, esmu*; *Vai tu esi **students**?* — *Jā, students*; *Vai **tu** esi students?* — *Jā, es*. Thereby, all yes / no questions were read several times and every time a different word was accented.

The material was analyzed with *WaveSurfer*, supplemented by *ToBI Annotation Environment* (ToBI).

Sentence prosody includes intonation, phrasal rhythmic patterning, and prosodic phrasing (Strautiņa, Šulce 2009: 43–45). The first result shows that 1) the questioner stresses the word that is the main informational focus of the question and the intonation curve is closely related to the place of logical accent in a sentence (see example, word *tu*, in bold font); 2) the nuclear pitch accent usually is after the stressed syllable (see example, word *esi*, in small caps), 3) after the first syllable of stressed word a peculiar rising-falling contour is assigned.

The particle *vai* always turned out unstressed, the fundamental frequency contour only rose up after the particle or remained level.

References

- Strautiņa, Šulce 2009 — V. Strautiņa, Dz. Šulce. Latviešu valodas pareizrūna un pareizrakstība. Rīga, 2009.
ToBI — What is ToBI? // <http://www.ling.ohio-state.edu/~tobi/>

Слоговые интонации в западноаукштайтском каунасском диалекте: обзор экспериментальных исследований

В докладе будут обсуждаться экспериментальные исследования слоговых интонаций западно-аукштайтского каунасского диалекта. До сих пор при помощи экспериментальных методов разными авторами исследована уже не малая часть говоров диалекта, что позволяет сравнивать результаты разных исследований. Наиболее подробно рассматриваются три говора — Шакяйский, Пренайский и Мариямпольский. Мариямпольский говор описывается по данным новейшего экспериментального исследования, которое было проведено автором доклада осенью 2010 года.

Экспериментальные исследования Мариямпольского говора не позволили выявить чётких фонетических признаков, присущих акуту и циркумфлексу в долгих монофтонгических слогах. Таким образом, можно считать, что в этом говоре наблюдается частичное затухание слоговых интонаций долгих монофтонгов.

В Шакяйском и Пренайском говорах фонетические признаки слоговых интонаций долгих монофтонгов чётче. Особенно хорошо слоговые интонации различаются в Шакяйском говоре, находящемся в северной части диалекта, недалеко от жемайтских говоров. Отличительными признаками слоговых интонаций Шакяйского говора можно считать количество и время достижения вершин основного тона. В Пренайском говоре тоже имеется оппозиция слоговых интонаций долгих монофтонгов: они характеризуются признаками количества, основного тона и интенсивности.

В долгих двугласных и дифтонгических слогах интонации хорошо различаются во всех исследуемых говорах. Самыми универсальными признаками, дифференцирующими слоговые интонации каунасского диалекта, можно считать два признака основного тона: диапазон изменения и время достижения вершины.

Общие результаты исследования показывают, что в каунасском диалекте можно выделить два просодических ареала: северо-западный и юго-восточный. В первом из ареалов слоговые интонации различаются лучше и характеризуются, прежде всего, признаками количества и основного тона. Во втором сильнее проявляется затухание слоговых интонаций, причём им присущи дополнительные признаки интенсивности.

Ольга Николаевна Глотова, Даниил Александрович Кочаров,
Татьяна Валерьевна Чукаева, Павел Анатольевич Скредлин
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование произношения русских гласных при помощи электромагнитного артикулографа

В статье представлены результаты исследования произношения русских гласных при помощи электромагнитного артикулографа Carstens AG500. Данное исследование направлено на изучение тайминга произношения гласных.

Сенсоры ЭМА крепились к 8-ми точкам. Точки положения пяти сенсоров для измерения движения активных органов артикуляции говорящего включали в себя кончик, середину и корень языка, верхнюю и нижнюю губы. Три сенсора были размещены на твердом нёбе на равном расстоянии друг от друга.

Для автоматической обработки речевых данных применялось программное обеспечение, специально разработанное для этих целей на нашей кафедре. Автоматически решаемые задачи включали в себя: вычисление расстояния между сенсорами, определение точек экстремумов артикуляторного сигнала, вычисление расстояния между отмеченными точками в сигнале.

На текущий момент используется три уровня сегментации: экспертная разметка речевого сигнала на звуки, разметка точек экстремумов в артикуляторных данных, разметка периодов частоты основного тона. Данные уровни разметки позволяют анализировать взаимодействия между таймингом артикуляторных движений и звучания при произнесении гласных.

Для каждого гласного измерялось время начала и конца артикуляторного движения, а также время начала и конца звучания. Эти точки использовались для определения длины беззвучного приступа, звучащей части и беззвучного отступа гласного.

Анализ экспериментальных данных показал следующие тенденции. Во-первых, в среднем продолжительность приступа вдвое длиннее продолжительности звучания гласных. Во-вторых, скорость артикуляции выше на беззвучных этапах артикуляции гласных, чем во время их звучания. Полученные в ходе исследования данные могут быть полезны для предсказания длительности акустических эффектов, возникающих в следствие коартикуляции, что может быть значимой информацией в таких областях как автоматическое распознавание речи и синтез речи по тексту.

Возможности исследования звуков речи с помощью кимографических методов

1. С середины XX века происходило бурное развитие техники электроакустических исследований, которые стали применять к анализу речи. Акустические методы изучения речи имеют ряд достоинств по сравнению с методами, применявшимися с конца XIX века: возможность фиксировать отрезки речи практически любой длины, хранить их, сравнивать слуховые впечатления с объективными акустическими характеристиками и др.

2. Достоинства и дополнительные возможности акустических методов изучения речи в то же время сопряжены с некоторыми трудностями при соотнесении акустической картины с артикуляцией. Между тем для понимания механизма функционирования языка изучение артикуляций необходимо.

3. Исследованиям артикуляций с помощью приборов фонетика обязана физиологам, которые во 2-й половине XIX в. широко применяли устройства для объективной фиксации движений тех или иных органов путем записи на кимографе.

4. Заслуга широкого применения физиологических методов исследований к анализу артикуляторных движений принадлежит главным образом французскому ученому аббату Руссло. Используемые им и другими исследователями (в частности, Л. В. Щербой, его коллегами и учениками) способы фиксации на ленте кимографа движений отдельных органов речи, давления воздуха, выходящего изо рта и носа, а также колебаний голосовых связок, передающихся через хрящи гортани, позволяли судить об артикуляции и легко различать такие ее особенности, которые зачастую трудно выявить при рассмотрении акустических характеристик.

5. Потребность в непосредственном определении артикуляторных характеристик всегда ощущалась исследователями, и в последней четверти XX века делались попытки фиксации артикуляторных признаков с помощью электрических датчиков одновременно со звукозаписью, но эти устройства не получили широкого применения. Представляется, что для решения некоторых задач (например, констатации назализации, различения взрывной артикуляции, аффрикации и аспирации, звонкости-глухости смычных согласных) и в наше время можно было бы использовать старый метод кимографических записей, достаточно простой, надежный и дешевый.

Взгляды А. Абеле на слоговую долготу в сопоставлении с современными фонологическими теориями

Наблюдаемые в языках типы долгих (тяжелых) слогов отличаются большим разнообразием (см. Gordon 2006), однако в наиболее общем виде понятие долгого слога опирается на функциональную эквивалентность разнородных звучаний: долгого гласного и сочетания краткого гласного с согласным. Теории долгого слога, как правило, ставят перед собой задачу снять это противоречие, объяснив или, во всяком случае, формализовав переход от разной фонетической реализации к одинаковой функции.

С одной стороны, это ведет к попыткам измерить количество (вес) слога, присущее ему независимо от фонемного состава, для чего выдвигается понятие моры. Интересно, что в этом аспекте о море можно говорить и применительно к языкам, которые не являются моросчитающими в строгом смысле слова. С другой стороны, это способствует построению моделей слога, где одинаковая функция объясняется сходством внутренней структуры. В частности, часть рифмы, присутствие которой обеспечивает долготу слога, включается в ядро, даже если содержит согласный. В качестве фактора может рассматриваться и степень сонорности звука: у сонорных согласных выше шанс быть соотнесенными с морой или войти в ядро долгого слога чем у шумных (van der Hulst 1999: 12–13). Надо заметить, что, вопреки распространенному убеждению, соотнесение звуков определенного качества с морями или с определенной позицией в структуре слога в современных фонологических теориях зависит от анализируемого языка и не рассматривается как универсальное (хотя уровень мор или определенная структура слога в общем виде безусловно объявляются универсальными).

Взгляды А. Абеле (1924; Ābele 1921) на природу латышских дифтонгов во многом предвосхитили эти теории. По ее мнению, делать соответствующий слог долгим или кратким могут слоговые звуки, образующие вершину слога. Важно, что в разных языках (или даже в системе одного языка) фонетически близкие звуки бывают как слоговыми, так и не слоговыми. Как правило, вершина слога у А. Абеле может быть приравнена ядру, о котором говорится в современных теориях. Тем не менее, исследования А. Абеле отличает по-

иск не столько функциональных особенностей слоговой долготы, сколько её фонетических коррелятов (Ābele 1921: 42–43; 1933).

Литература

- Абеле 1924 — А. Абеле. К вопросу о слоге // *Slavia*, 3. Praha, 1924. — С. 1–34.
- Ābele 1921 — А. Ābele. Par zilbiskajām skaņām latviešu divskaņos // *Filologu biedrības raksti*, I. Rīga, 1921. — 41.–46. lpp.
- Ābele 1933 — А. Ābele. Fonētikas sīkumi I // *Filologu biedrības raksti*, XIII. Rīga, 1933. — 159. lpp.
- Gordon 2006 — M. Gordon. *Syllable Weight: Phonetics, Phonology, Typology*. New York and London: Routledge, 2006.
- Hulst 1999 — *Word Prosodic Systems in the Languages of Europe* / Ed by Harry van der Hulst. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.

Карина Владимировна Евграфова, Вера Вячеславовна Евдокимова
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Исследование акустических и артикуляторных характеристик речи, связанных с усталостью

В современном обществе постоянно увеличивается число лиц голосоречевых профессий. К профессиям с повышенной речевой нагрузкой относят учителей, лекторов, актёров, певцов и т. д. Степень голосовой нагрузки у них настолько велика, что превышает нормальные возможности голоса. Большие голосовые нагрузки предъявляют повышенные требования к голосовому аппарату. Профессиональными нарушениями голоса считают заболевания гортани, в основе которых лежат систематическое перенапряжение голоса и грубые нарушения техники голосообразования, из-за которого больной нередко вынужден сменить профессию. Таким образом, разработка методов объективной оценки усталости голоса представляется актуальной и необходимой задачей. На данный момент проблема достоверной оценки утомляемости голосового аппарата остается нерешенной.

Задачи исследования:

- 1) провести инструментальный анализ акустических характеристик речи в норме и состоянии усталости;
- 2) определить достоверные критерии, позволяющие определить градации утомляемости голосового и артикуляционного аппарата.

Для участия в процедуре записи были отобраны 5 преподавателей-фонетистов. Испытуемых сначала записывали в начале рабочего

дня в неутомленном состоянии, в середине рабочего дня — после 2 занятий, затем в состоянии усталости после того, как они провели 5 занятий. В целом, дневная нагрузка составляла 7,5 астрономических часов.

Инструментальный анализ речи в состоянии утомления позволил обнаружить изменения ряда акустических параметров по сравнению с речью в нормальном состоянии. К ним относятся:

- увеличение средней частоты основного тона;
- увеличение длительности ударных гласных и общее замедление темпа речи;
- сокращение длительности безударных гласных и увеличение редукации заударных комплексов;
- перепады интенсивности ударных гласных и частоты основного тона;
- общее сокращение частотного и динамического диапазона.

На заключительных этапах работы был проведен отдельный ряд экспериментов, целью которых было установить длительность восстановительного периода голосового аппарата преподавателей.

Результаты исследования позволили установить, что оптимальной нагрузкой для преподавателя (особенно, для преподавателя-фонетиста) является 3 часа наговаривания в день (2 занятия длительностью 90 минут каждое), что соответствует критическому порогу нагрузки, 9 часов в неделю. Необходимый восстановительный период должен составлять не менее суток с обязательным 9-часовым сном. В этом случае будет отсутствовать «накопительный эффект» голосовой усталости.

Витаутас Кардялис, Аквиле Маркаускайте
(Вильнюсский университет)

Вильнюсский поддиалект восточных аукштайтов: от описания особенностей до корпуса диалекта

В контексте всех литовских диалектов вильнюсский поддиалект восточных аукштайтов выделяется по нескольким аспектам: географическое положение (континентальная и островная части), особенно сложная социолингвистическая ситуация, языковая неоднородность в силу спорных границ с другими поддиалектами и т. п. Интересна

также и сама история изучения вильнюсского поддиалекта. Нельзя утверждать, что этот поддиалект был обделён вниманием лингвистов, однако по причине того, что в силу неблагоприятных исторических обстоятельств он попал в так называемый Вильнюсский край 1920–1939 гг., интенсивное изучение этого поддиалекта на какое-то время оказалось невозможным. Кроме того, из-за упомянутого особого положения вильнюсского поддиалекта большее внимание при исследовании уделялось островам и южной части поддиалекта. Изучение северной части стало более интенсивным только в последнее десятилетие. В целом все исследования вильнюсского поддиалекта можно разделить на два типа: 1) накопление и обработка эмпирического материала, 2) научные исследования. Именно накопление эмпирического материала было главным аспектом в исследованиях северной части поддиалекта, ибо такого материала было собрано гораздо меньше, чем в южной части поддиалекта и на островах.

Само собой разумеется, что научные исследования непосредственно опираются на эмпирический материал. Однако, с другой стороны, сбор и накопление эмпирического материала также зависит и от методики исследования, и от его теоретических принципов. Поэтому в начале данного сообщения будут освещены некоторые исторические аспекты, важнейшим из которых является изменение методов исследования в литовской диалектологии. Затем мы попытаемся показать связь изменения методов исследования с накоплением и подачей материала и затронем некоторые спорные вопросы методологии (например, проблему подачи ранних связных текстов).

Основное внимание в сообщении будет уделено накоплению эмпирического материала, его обработке, подаче и использованию в научных исследованиях. Мы представим результат почти десятилетнего эмпирического исследования вильнюсского поддиалекта — базу данных, создание которой осуществляется на филологическом факультете Вильнюсского университета. В сообщении будет представлено следующее:

- а) структура, цели и назначение базы;
- б) образцы накопленного в базе материала;
- в) проект корпуса диалекта: методологические принципы и проблемные случаи;
- г) вопрос взаимосвязи и интеграции базы.

Юрий Александрович Клейнер
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Анна Абеле: фонология до Н. С. Трубецкого

От Абеле получил письмо. Она больна легкими... и поэтому последнее время не работала, но продолжает интересоваться и считает себя фонологом.

Н. С. Трубецкой.

(Письмо Р. О. Якобсону от 5 октября 1936 г.)

Контекст, в котором создавалась статья А. Абеле «К вопросу о слоге», определяется хронологическими рамками: 1917 г. (первоначальный вариант) — 1924 г. (опубликованная версия). Первоначальный вариант статьи явился результатом работы, проводившейся под руководством Л. В. Щербы, однако ссылка на его работу «Русские гласные в качественном и количественном отношении» (1912), судя по неточностям в приведенном названии и датировке («Русские гласные с качественной и количественной стороны. 1911»), была внесена уже в окончательный вариант, очевидно по памяти.

Книга Щербы упоминается в связи с его определением фонемы; впрочем этот термин используется и в переводе цитат из Э. Сиверса, где говорится о «звуках». Смещение понятий/терминов объясняется, скорее всего, тем, что работа Абеле создавалась в период, когда три главных направления классической фонологии только зарождались, а понятийный и терминологический аппарат еще не был создан.

Влияние Щербы проявилось прежде всего в общей идее смысло-различительности, применяемой не столько к фонеме, сколько к слогу — «объективному» и «субъективному», что отражает принципиальное различие фонетики и фонологии как двух этапов анализа. «Фонемы», как составляющие объективного слога, ближе всего к «изолятам» Дж. Р. Фирта. О фонеме в современном понимании можно говорить, применительно к составляющим «субъективного слога», строящегося по законам данного языка.

Фонема, определяемая через слог, содержит характеристики, отличные от свойств изолированных фонем (или «звуков»), без учета позиции относительно слогового центра, места границы слога, объединительного «слогового ударения» и т. п. Эти характеристики могут быть переосмыслены в виде системы «различительных признаков», учитывающей не только парадигматические, но и синтагма-

тические отношения. Последнее связано с проблемой слога деления, обсуждавшейся Э. Сиверсом, с которым полемизирует Абеле, и структуры слога носителя, позднее составившей специальный раздел в «Основах фонологии» Н. С. Трубецкого.

Трактовка проблем, связанных со слогом, у А. Абеле в значительной мере связана с нетрадиционным для европейской фонологии материалом, обусловившим и методику исследования. Все это вместе вылилось в весьма оригинальный подход, который при дальнейшем развитии мог бы привести к созданию самостоятельного направления в фонологии или, по крайней мере, к существенным коррективам в развившихся в ней направлениях. Причины, по которым этого не произошло, следует по-видимому искать в биографии А. Абеле, а также в истории, внешней по отношению к истории науки.

Sarma Kļaviņa
(Riga)

Anna Ābele in the University of Latvia

The life-story and academic biography of Anna Ābele is not widely known even in her homeland because since 1944 she lived in exile and died at the age of 94 on September 9, 1975 in the USA, and in Soviet Latvia, an interest in the emigrées was not advisable.

A. Ābele commenced her work at the University of Latvia (LU) immediately after it was founded in September 1919 — in the library of the Faculty of Linguistics and Philosophy. After the return of J. Endzelīns from Kharkov in the summer of 1920, A. Ābele, who already had a degree in Slavic linguistics, studied Baltic philology in addition to her work and passed the doctoral exams in 1922.

Upon the invitation of prof. J. Zubatý from October 1922 till autumn 1924, A. Ābele was the head of the lectorate of Baltic languages and expanded her knowledge in Slavic linguistics in Prague University.

In May 1924, A. Ābele started academic work at the LU. Her *pro venia legendi* work was “Some notes on the elongation (narrowing) of short vowels in West Slavic and Ukrainian languages”. She was a lecturer of the Old Slavic language, comparative grammar of Slavic, Russian language history, and Polish, led practical classes and seminars in general and experimental phonetics, as well as in Latvian dialectology.

In 1934, at the age of 53, A. Ābele was elected associate professor, but as of academic year 1938/1939 — senior associate professor in Slavic Philology (in 1939 this position was renamed extraordinary professor). A. Ābele was the first and only female professor in humanitarian sciences in the University of Latvia in the period prior to World War II.

A. Ābele was the founder of experimental phonetics research in Latvia and of the Experimental Phonetics Laboratory in the LU (1925).

A. Ābele carried out research of the phonetics of Latvian dialects. Many editions of the “Filologu biedrības raksti” (1921–1940) bear one or two of her articles, mainly on dialect intonations, syllable and syllabic sounds, vocalism and consonantism of dialects, epenthesis and anaptyx.

A. Ābele regularly participated in congresses and conferences of European phoneticians, Slavonic philologists and psychologists. From 1926 till 1938, during almost every summer break she went on academic visits to Germany, Great Britain, Austria and Czechoslovakia, and spent the whole of the academic year of 1937/38 in Belgium, Germany, Austria, France, Finland, Sweden and Norway. She also took part in international linguistic organizations (Indogermanische Gesellschaft, Association phonétique internationale).

J. Endzelīns highly respected A. Ābele and valued her opinion. If he sometimes could not chair a meeting of the Linguistic Section of Riga Latvian Society, A. Ābele was the only one whom he entrusted with this task.

During the Soviet times, from October 1, 1940, A. Ābele was the head of the Slavic Philology Department for four months, later being dismissed from this post, while still preserving her position as a professor in the same department.

In 1944 A. Ābele together with her brother expatriated to Austria, afterwards to Germany and in 1949 arrived in the USA.

Sources

Latvian State Historical Archives: fund 7427, stock 13, file 2; stock 6, file 1, 2, 39, 42, 363, etc.

Prof. Anna Ābele. Autobiogrāfiski dati. Publicētie darbi / Sastādījis Kārlis Draviņš. // Ceļi, XI. Lunda, 1963. — p. 59–63.

S. Kļaviņa. Eksperimentālās fonētikas pamatlicēja Anna Ābele // S. Kļaviņa. Latviešu valodas pētnieki. No kļaušu laikiem līdz savai valstij. Rīga, 2008. — 196.–203. lpp.

Диалектный контекст первой грамматики латгальского литературного языка

Первой нормативной грамматикой латгальского языка считается работа Антона Скрынды «Латышская грамматика латгальского наречия» (1908). Издание (объёмом 78 стр.) содержит основные сведения о частях речи, правилах правописания, а также сравнение основных различий обоих «наречий» латышского языка: нижнелатышского и верхнелатышского.

Создание грамматики А. Скрынды является важным этапом как в решении практических нужд Латгалии начала XX века, так и в развитии лингвистической мысли. Правда, вскоре после выхода книги теоретические соображения автора были подвергнуты резкой критике Яном Эндзелином (Endzelīns 1908). Антон Брейдак, напротив, отмечает приоритет А. Скрынды, обратившего внимание на своеобразное просодическое явление латгальских говоров — реализацию прерывистой интонации на конце первого компонента дифтонгов и дифтонгических сочетаний (Breidaks 1972: 95–96), а также давшего первый очерк основам перегласовки (Breidaks 2001: 173–174), которую сам автор грамматики называет «законом ассимиляции» (Скрында 1908: 12–14).

Орфографические приёмы грамматики основываются на решениях обсуждений в 1903 г. и 1907 г. Новизна работы Скрынды заключается в отказе от некоторых элементов польской графики, использовавшихся в латгальской письменности до начала XX века, в стремлении не только дать читателю представление о желательной литературной норме, но и ознакомить его с диалектными особенностями, признавая и старые морфологические формы (супин, причастия настоящего и будущего времени, формы сослагательного наклонения).

Автор как представитель юго-западного говора (м. рожд. — Ликсененская волость Двинского уезда), хорошо знавший и другие латгальские говоры, в некоторых случаях отдаёт предпочтение своей родной речи (*rike*, а не *riše*, с. 21 и т. п., но *tyki*, а не *tiki*, см. с. 53). При затруднениях в выборе определённой формы, в грамматике даётся примечание (с. 14, 72–73 и т. п.) или приводятся параллельные варианты (особенно в глагольных парадигмах, с. 51 и т. п.). В при-

мерах, несмотря на лаконичность книги, нередко встречаются интересные диалектизмы (*siļdeits pīns* ‘творог’, *tikt komuotam* ‘быть мучимым’, *ūmai* ‘вдруг’, *laksteigola syt* ‘соловей поёт’).

В упрёк автору может быть поставлено стремление приблизить латгальскую письменность к нижнелатышской. Среди участников «Литературного Собрания 17 авг. 1907 г.» (с. 27 и др.) не было единогласия относительно правописания некоторых суффиксов. Так, например, в грамматику вошёл противоестественный принцип написания корней по-латгальски, а суффиксов по-(нижне)латышски (*dzeiviba* вместо *dzeiveiba*), продержавшийся около 20 лет и существенно тормозивший дальнейшее развитие латгальского литературного языка.

Литература

- Breidaks 1972 — A. Breidaks. Latgalisko izlokšņu prosodijas jautājumi // Veltījums akadēmiķim Jānim Endzelīnam. 1873–1973. Rīga, 1972. — 89.–108. lpp.
- Breidaks 2001 — A. Breidaks. Latgališu raksteibys stabilizēšanos XX godu symta pirmajā trešdaļā // Acta Latgalica. 11. Zynōtniski roksti. Dokumenti. Arceris. Daugavpils, 2001. — 171.–180. pl.
- Endzelīns 1908 — J. Endzelīns. Латышская грамматика летгальского наречия. Составил А. Д. Скринда // Latvija, 1908, nr. 183 (750), 9. (22.) aug. — 2. lpp. = J. Endzelīns. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974. — 614.–617. lpp.
- Скринда 1908 — А. Д. Скринда. Латышская грамматика летгальского наречия. Санкт-Петербург, 1908.

Asta Leskauskaitė
(Institute of the Lithuanian Language, Vilnius)

The Accents of the Long Vowels in the Southern Aukštaitian: Distinctive Features and the Impact of Spontaneous Speech

Some scholars in their works on dialectology (V. Grinaveckis, A. Laigonaitė, A. Pakerys, Z. Zinkevičius etc.) argue that allegedly the Southern Aukštaitians (and East Aukštaitians) cannot distinguish well or do not distinguish at all falling and rising accents in stressed syllables with monophthongs *u*, *i*, *e/ę*, *o/õ/o*, *ie* and *uo*. Various arguments were sought to give proof to the existence of this phenomenon: the levelling of the accents can be caused by the increased role of the stress, which is linked to increased dynamism and the tempo of speech, the disintegration of the accent system and other factors. However, the researchers who are

of a different opinion (E. Mikalauskaitė, L. Grumadienė, D. Mikulėnienė etc.) have supplied counterarguments: phonologic opposition of the rising and falling accents has been retained in diphthongs and they are clearly distinguished in emphatic speech, quasi-homonyms and so on.

It is not so easy to determine by ear the accent in stressed syllables with monophthongs *u·*, *i·*, *e·/ė·*, *o·/ȯ·/ō·*, *ie* and *uo*. There were attempts to solve the controversial issue almost a decade ago. Then preliminary acoustic and auditory analysis of minimal word pairs, used in a certain context, suggested that cases of the levelling of the accents exist. Not a single researched prosodic feature (the main tone, intensity, duration) demonstrated clear differences between syllables with the falling and rising accents. Conclusions arrived at during auditory analysis were similar.

However, real usage demonstrates most clearly the essence of any language fact and reveals its features by which it can be identified. Therefore, in this paper attention is paid to the realisation of the accents in spontaneous speech of Southern Aukštaitians. The features of the pronounced rising and falling accents in non-final syllables of words and other considerations about the prosodic phenomenon discussed are provided drawing on the results of new experimental research.

Liene Markus-Narvila
(Liepāja University)

Characteristic morphological peculiarities of Rucava dialect in the materials of K. Barons “Dainu Skapis” and their parallels in subsequently recorded dialect materials

In the electronic version of Krišjānis Baron's “Dainu Skapis” (www.dainuskapis.lv) there are 63 *dainas* (not counting the variants) which have been assigned to Rucava parish (marked Nīca and Rucava).

In the above mentioned 63 *dainas* we can observe various morphological peculiarities characteristic of Rucava dialect which have been found also in later variants of Rucava dialect. The peculiarities are observed in several word classes: verbs, nouns, pronouns.

In the notes on dialects from 19th–21st century there are various **verb forms**, for example:

1) **consequent usage of the past *ē*-stem** (*brēce*, *sajauce*, *brauču* DS; *iedeve*, *lūdze*, *nese* FBR VIII 136, 142; *cepe*, *plēse*, *plāve* LiepU);

2) **usage of *avā*-stem in the past** (*nuolūkavu, puškvāse, salapava* DS; *nedzievava, nuodzīvava, pamielava* FBR VIII 136; *izzveja, izlietava, zveja* LiepU);

3) **usage of verbs with the *āio*-stem** (*nuodzievāt, nuolūkāt, rapažāt* DS; *dancāt, šķiņķāt, vaināt* FBR VIII 135; *baužāt, ķeižāt, spīlāt* LiepU);

4) **shortened variant of the past form of verb *bija*** (*..es bij tāda tēva meita.., ..ik bērniņa mencis bij* DS; *bij man guodu nuorudzīt katram sēst(a) kamanās; visi glāzi bi par veltu..* FBR VIII 137, 142; *tēvs bi zvejniēks, viņam pašam bij savas laivas spaile* LiepU; *Suķ:i bi te laikam..* SA 2008, 52);

5) **usage of reflexive verbs** (*apsavilku, atsarauties, nosraudāju* DS; *atsadusēju, nuosibrēkusi, sasakaujas* FBR VIII 137; *apsadziedāt, nuosapirkties, sasasildīties* LiepU).

Nouns have preserved various traits through the centuries as well, for example:

1) **usage of *ē*-stem instead of *i*-stem and *ā*-stem** (*kamanes, klēte, lapse* DS; *nakte, viste, zuve* FBR VII 121, 122; *istube, jūre, liete* LiepU);

2) **usage of ancient plural dative case ending *-am(i)s, -em(i)s*** (*..maģajamis māsenamis; ..Vaj tautamis vēlējusi?* DS; *cilvēkiems, māsēnamis, zīrgiems* FBR VII 122; *māsamis, meičamis* LiepU);

3) **plural instrumental case ending *-is* of ancient *o*- and *ījo*- stem** (*Zied zemīte zilis ziedis..; ..Apbira galvina / Ābeļu ziedis* DS; *sešis zaris; ar baltis diegis, sasukātis cekulinis* FBR VII 122–123; *uz ties āķis dzīvas tās tubes kabināja; vienu mucu piesālija ar mencis* LiepU);

4) **usage of the ancient singular dative case ending *-i* in feminine gender nouns** (ending *-ij* in later variants) (*..nesejini melni krekli; ..tai upiti augsti krasti; ..Izjēme māmini/mīlimu meitu* DS; *māmulīti, pādīti, vistī, sievī* FBR VII 123; *ārstene prasa mammij, piesālijām mencu ziemij* LiepU).

In the recorded folk songs of the 19th century there are preserved indeclinable possessive **pronouns *mana, tava, sava*** (*..tautiets mana laipu lika* DS; *tava ratuos; nosvīst mana bērī zirgi* FBR VII 125; *mana vecie ir nuo Nidas ciema* LiepU; *iešu sava kaimiņieni aplancēt* Apv.).

When studying peculiarities of Latvian dialects, it is essential to consider the material available in *Dainas*. These folk songs are a depository of language samples which are on the verge of disappearance in the 21st century since dialects are becoming more literalized and leveled out phonetically, morphologically and partly lexically among the speakers of the new generations.

Исследования фонетики паневежских говоров: традиция и перспективы

Паневежские говоры попали в поле зрения исследователей довольно давно. Некоторые сведения об этих говорах помещены в первых описаниях литовских диалектов. Немало точных данных приведено в работах Казимераса Яунюса (1848–1908) и Антанаса Баранаускаса (1835–1902). В них выделены некоторые важные фонетические и акцентологические особенности.

В более поздних исследованиях описание фонетики паневежских говоров становится более точным. На основании различий в редукации флексий и характере переноса ударения выделяются две относительно самостоятельные разновидности говора: севернопаневежский и южнопаневежский. Поскольку южнопаневежский говор фонетически близок ширвинтскому говору, З. Зинкявичюс и А. Гирдянис, классифицируя литовские диалекты, обсуждают возможность и целесообразность объединения этих двух говоров в один. В печати появились соображения и других ученых на эту тему (В. Маркявичюс).

Редукция окончаний в севернопаневежском говоре связана с проблемой глайдов. Мнения ученых на этот счет кардинально расходятся: одни считают, что в редуцированных флексиях сохраняются слабые реликты гласных, другие утверждают, что гласного там нет вообще. Некоторые экспериментальные исследования (А. Ляскаускайте, Р. Бацявичюте) показывают наличие слабого звука в безударной флексии, однако пока неясно, целесообразно ли этот звук называть гласным. В настоящее время севернопаневежский говор изучается более активно (К. Гаршва, Г. Качюшкене и др.), чем южнопаневежский (В. Мейлюнайте).

Несмотря на то, что некоторые паневежские говоры достаточно хорошо изучены, новейших качественных аудиозаписей из этой диалектной территории недостаточно. Исследователи в основном опираются на материалы, собранные в середине и второй половине XX в. Имеющиеся данные сравниваются с некоторыми современными записями, выполненными в том или ином регионе обсуждаемой диалектной зоны, но синхронное изучение современного состояния паневежских говоров в данный момент практически невозможно.

Указанную проблему призван решить начатый в 2011 г. научный проект «Современные геолингвистические исследования в Литве:

оптимизация сети пунктов и интерактивное представление диалектных данных». Основная его цель — собрать диалектный материал из всех пунктов, отобранных для «Атласа литовского языка». Предполагается, что в результате работы над этим проектом будут намечены перспективы дальнейших исследований фонетики паневежских (и других литовских) говоров.

Михаил Борисович Попов
(Санкт-Петербургский государственный университет)

К вопросу о становлении морфологического критерия в фонологии

Установление состава фонем предполагает выполнение двух операций фонологического анализа. Сначала производится синтагматическая идентификация фонем, т. е. фактически устанавливаются границы между фонемами. На следующем этапе осуществляется парадигматическая идентификация фонем: вычлененные на предыдущем этапе «сегменты» (аллофоны) отождествляются друг с другом, т. е. выясняется, какие из сравниваемых сегментов являются реализациями одной фонемы, а какие реализациями разных фонем. В результате этой операции определяется состав фонем данного языка.

Различные школы по-разному пользуются морфологическим (или морфемным) критерием при осуществлении этих процедур фонологического анализа. Из трех наиболее авторитетных в русистике фонологических школ (Щербовской, Московской и Пражской) на принципиальных «антиморфологических» позициях стоит ПФШ (ни одно из знаменитых правил установления бифонемности/монофонемности и отождествления вариантов фонем Трубецкого не опирается на морфологический критерий). В популярной учебной и даже научной литературе господствует представление о том, что МФШ как «морфологическая» в своих основах противостоит ЩФШ как «фонетической» и даже «физикалистской», что не соответствует действительному положению дел, поскольку как при синтагматическом, так и парадигматическом отождествлении фонем, ЩФШ в ее современном варианте опирается на критерий морфемной границы и критерий чередования аллофонов одной фонемы в морфеме (наряду с критерием дополнительной дистрибуции аллофонов). В работах Л. В. Щербы

эти принципы были представлены имплицитно (причем не столько в узко морфологическом ключе, сколько в духе идей Бодуэна о «сема-сиологизации» фонетических явлений). Эксплицированы они были значительно позднее — в 70-е гг. XX в., получив каноническую форму лишь во 2-м издании «Общей фонетики» Л. Р. Зиндера (1979 г.). В докладе выдвигается предположение, что формализация «морфологического» критерия при осуществлении синтагматической и парадигматической идентификации фонемы в ЩФШ происходила в процессе бурных дискуссий между ЩФШ и МФШ в 50–60-е гг. XX в., хотя в ряду фонологических школ ЩФШ всегда являлась единственной, которая последовательно опиралась на функциональный («морфологический») критерий при установлении состава фонем.

Дарюс Рудзинкас
(Вильнюсский университет)

Восточный вариант древней литовской письменности и новая классификация говоров восточных аукштайтов виленчан

Диалектные черты некоторых памятников восточного варианта старолитовской письменности рассматривал З. Зинкявичюс. В частности, он пытался выяснить авторство так называемого анонимного катехизиса 1605 г. (см. Zinkevičius 1968; 1972). В статьях обсуждаются важнейшие вопросы морфологии, лексики, фонетики некоторых диалектизмов восточных аукштайтов виленчан в тексте анонимного катехизиса, приводится немало диалектологических аргументов, позволяющих судить о месте рождения его автора.

Приходится констатировать, однако, что в 1960–70-е гг. некоторые фонетические аргументы основывались на недостаточно хорошо описанных диалектных особенностях, с опорой на существовавшую тогда классификацию диалектов (см. Zinkevičius 1966: 11, 68, 75). В настоящее время, когда собрано немало новых фактов о диалекте восточных аукштайтов виленчан, уточнён их ареал и классификация в недавнем исследовании В. Кардялиса (Kardelis 2009), важно и интересно снова проверить некоторые аспекты диалектного анализа текстов восточного варианта старолитовской письменности.

Например, обсуждая фонетические черты анонимного катехизиса 1605 г., З. Зинкявичюс писал: «Гласный *o* в катехизисе систематически обозначается буквой *o*. ... Но наблюдается несколько исключений, когда вместо гласного *o* пишется *a*» (Zinkevičius 1968: 113). В соответствии с данными диалектологии тех времён учёный такое отклонение объясняет характером гласного *a*, который в нынешних говорах восточных аукштайтов виленчан имеет оттенок *o*.

Новый материал из ареала восточных аукштайтов виленчан, позволяет обратить внимание на факультативные варианты некоторых фонем. Так, гласные *a* и *o* свободно чередуются (даже в речи одного информанта в одной и той же позиции), никакой дистинктивной функции они не выполняют (Kardelis 2009: 239).

Цель доклада — на основе новых данных из говоров восточных аукштайтов виленчан сформулировать предположение, что некоторые примеры из древних текстов восточного варианта старолитовского письменного языка (Й. Якнавичюса „Evangelye polskie u litewskie“, анонимный катехизис 1605 г.) могут фиксировать именно факультативные варианты (*a* — *o*) в речи восточных аукштайтов виленчан того времени.

Литература

Kardelis 2009 — V. Kardelis. Šiaurės rytų aukštaičiai vilniškiai: ribos ir diferenciacija. Vilnius, 2009.

Zinkevičius 1966 — Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.

Zinkevičius 1968 — Z. Zinkevičius. Apie 1605 m. katekizmo tarmę // Baltistica, IV₍₁₎, 1968 — p. 109–116.

Zinkevičius 1972 — Z. Zinkevičius. Rytietiškoji XVII a. lietuvių raštų kalba, jos kilmė ir išnykimas // Baltistica, VIII₍₁₎, 1972 — p. 79–100.

Наталья Дмитриевна Светозарова
(Санкт-Петербургский государственный университет)

Фонетические институты 1910–20-х гг. в Петербурге — Петрограде — Ленинграде

1. Первые десятилетия XX века можно назвать золотым веком фонетики в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Обычно при этом имеют в виду создание в Петербургском университете кабинета экспериментальной фонетики (ныне Лаборатория экспериментальной

фонетики им. Л. В. Щербы). Строго говоря, кабинет был создан С. К. Буlichem по инициативе И. А. Бодуэна де Куртенэ еще 1899 г., но настоящая работа начинается в нём в 1909 г., когда в Петербург из заграничной командировки возвращается Л. В. Щерба, который становится хранителем кабинета. Щерба, изучивший в 1907–1908 гг. методы исследования звуков речи в Париже, в лаборатории основоположника экспериментальной фонетики Ж. П. Руссло, вкладывает свою энергию и знания в развитие кабинета и добивается значительных дотаций на приобретение аппаратуры и книг. С кабинетом связана экспериментально-фонетическая работа самого Щербы и его учеников, в числе которых была и Анна Абеле.

2. Менее известны другие фонетические институты начала XX в., в организации которых самое активное участие принимал Щерба и другие языковеды. Особо следует выделить Фонетический институт практического изучения языков И. Э. Гиллельсона, в котором Щерба вводит преподавание иностранных языков по фонетическому методу. Возможно, что идею этого института он воспринял от Руссло, разработавшего программу «Фонетического института живых языков». Созданный в 1922 г., институт стал, по существу, первым в стране институтом иностранных языков, выпускавшим высококвалифицированных специалистов, владеющих иностранными языками. В 1926 г. он был преобразован в Государственные курсы иностранных языков. Такие же курсы были открыты в Москве, и вскоре фонетический метод преподавания иностранных языков, включая вводный фонетический курс, получил широкое распространение во всей стране. Под редакцией Щербы Институт издавал сборники научных статей «Русская речь», в которых принимали участие ведущие языковеды.

3. По инициативе Щербы и С. К. Боянуса в 1920-х гг. была открыта Фонетическая школа новых языков (английского, немецкого, французского, итальянского, испанского и скандинавских языков) при Научно-исследовательском институте сравнительного изучения истории литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском университете.

4. Преподавание фонетики велось в это время и в других учебных и научных учреждениях: на курсах иностранных языков Бобрищевой-Пушкиной, в Петербургском учительском институте, на Бестужевских женских курсах, в Институте Живого Слова, в Институте Речевой Культуры.

Изогlossа восходящей и прерывистой интонации в приграничной зоне селонских и латгальских говоров верхнелатышского диалекта

Территорию верхнелатышского диалекта на востоке Латвии пересекает изогlossа прерывистой и восходящей слоговой интонации, которая является одним из главных дифференциальных признаков селонских (западных) и латгальских (восточных) говоров. В трудах по латышской диалектологии (напр., LVDA 1999: 35, Rudzīte 2005: 101) перечислены следующие селонские говоры с восходящей интонацией, которые на правом берегу реки Даугавы примыкают к латгальским: северная часть Ливанского⁽⁴³⁶⁾ говора, Аташиене⁽⁴³²⁾, Метриена⁽⁴²⁹⁾, Сайкава⁽⁴²⁴⁾, Мейраны⁽⁴²¹⁾, Лубана⁽⁴¹⁷⁾, Дзелзава⁽⁴⁰⁹⁾, Адулиена⁽⁴⁰⁸⁾ и Тирза⁽³⁹⁹⁾ (далее на север начинаются говоры верхнелатышского и среднелатышского пограничья). К востоку, согласно традиционным описаниям, расположены латгальские говоры с прерывистой интонацией: южная часть Ливанского⁽⁴³⁶⁾ говора, Рудзати⁽⁴³⁷⁾, Стирниене⁽⁴³³⁾, Баркава⁽⁴²⁵⁾, Гайгалава⁽⁴⁷⁹⁾, Берзпилс⁽⁴⁷⁶⁾, Ругаи⁽⁴⁷⁵⁾, Яунгулбене⁽⁴¹⁰⁾, Галгауска⁽⁴⁰⁰⁾, Леясциемс⁽³⁹³⁾, Лизумс⁽³⁹⁷⁾.

Полевые исследования, проведённые в 2010/2011 гг. на территории между говорами Ливаны⁽⁴³⁶⁾ и Яунгулбене⁽⁴¹⁰⁾, позволяют уточнить некоторые участки этой изогlossы. Например, Ливанский⁽⁴³⁶⁾ говор, в картографических источниках традиционно разделённый на две почти равные части (северную селонскую и южную латгальскую), в большей степени является селонским. Прерывистая интонация распространена только на южной окраине говора, а также на узкой восточной полосе правого берега р. Дубна и левого берега р. Оша. Примечательно, что переход между ареалами обоих типов слоговой интонации не постепенный, а резкий. В свою очередь по слоговым интонациям в речи старшего поколения Аташиенский⁽⁴³²⁾ говор должен быть отнесён к латгальскому, а не селонскому поддиалекту (это подтверждают и фонетические эксперименты) — очевидно, расхождение между данными прежних источников и 2011 г. свидетельствует либо о резких изменениях состава населения, либо об ошибке, ранее допущенной при определении диалектного типа.

К северу от Аташиене⁽⁴³²⁾ граница между селонскими и латгальскими говорами совпадает с границей культурно-исторических реги-

онов Латгалии и Видземе, к тому же разделённых естественными природными препятствиями (болотами, оз. Лубанс). На стороне Видземе (Сайкава₍₄₂₄₎, Мейраны₍₄₂₁₎, Лубана₍₄₁₇₎, Дзелзава₍₄₀₉₎) наблюдается почти полное исчезновение бóльшей части прочих признаков селонского поддиалекта, однако латгальские признаки хорошо сохранены в Латгалии (Баркава₍₄₂₅₎, Ругаи₍₄₇₅₎). За чертой Латгалии и латгальские говоры (Яунгулбене₍₄₁₀₎, Вецгулбене₍₄₀₁₎) теряют многие свойства верхнелатышского диалекта. Несмотря на это обстоятельство, самая главная различительная особенность во всех случаях очень стабильна — изоглосса восходящей и прерывистой интонации сохранена и соответствует ареальным описаниям в диалектологических источниках.

Йолита Урбанавичене
(Институт литовского языка)

Экспериментальное исследование слоговых интонаций дифтонгов в вильнюсских восточно-аукштайтских говорах

По чёткости слоговых интонаций в литовском языке можно выделить несколько групп слононосителей: 1) сложные дифтонги [ai], [au], [ei], [æu], [ui]; 2) дифтонгические сочетания с открытыми гласными (типа *a, e + R*¹); 3) дифтонгические сочетания с закрытыми гласными (типа *i, u + R*); 4) монофтонги (в частности, полифтонги *ie, uo*). Объектом доклада являются слононосители трёх первых групп, а именно сложные дифтонги [ai], [au], [ei], [æu] и смешанные дифтонги типа *V + [l, r]*.

В дифтонгических слогах слоговые интонации проявляются контрастнее чем в монофтонгических слогах. Этому способствуют следующие тенденции: 1) контраст между первым и вторым компонентами слононосителя; 2) удлинение ударного компонента дифтонга; 3) качественные изменения безударного компонента дифтонга.

При помощи программ PRAAT (обработка звуковых сигналов), FORMANT2.PAS (качественные параметры звуков) и STUDENT.PAS (статистический анализ данных) были исследованы фонетические при-

¹ Здесь *R* обозначает сонанты *l, m, n, r*.

знаки акутовых и циркумфлексных дифтонгов в вильнюсских восточно-аукштайтских говорах — длительность, основной тон, интенсивность и качество. Данные эксперимента показали, что акутовые и циркумфлексные дифтонги отличаются: 1) длительностью и качеством первого компонента дифтонга (как ударного, так и безударного); 2) пиковыми и средними значениями основного тона и интенсивности дифтонга. (Для разграничения слоговых интонаций монофтонгов важнее показания основного тона и интенсивности, а качественные признаки и длительность слогоносителя менее важны. В монофтонгических слогах также наблюдается тенденция к нивелиации слоговых интонаций).

Количественные и качественные изменения первого компонента дифтонга позволяют говорить о количественном ударе и сильной редукции в вильнюсских восточно-аукштайтских говорах.

Гинтаре Юджянтите, Витаутас Кардялис
(Вильнюсский университет)

Вильнюсский и утенский поддиалекты восточных аукштайтов: перспективы пограничного исследования

Граница между вильнюсским и утенским поддиалектами восточных аукштайтов была определена в уже ставшей традиционной классификации А. Гирдяниса и З. Зинкявичюса (см. Girdenis, Zinkevičius 1966). Вместе с классификацией в работе была опубликована и карта, которая с некоторыми последующими изменениями стала публиковаться в литературе по диалектологии и в энциклопедических изданиях. Из работ по диалектологии, касающихся классификации диалектов и границ поддиалектов и содержащих карты, видно, что граница между вильнюсским и утенским поддиалектами несколько колеблется, однако существенных дискуссий относительно ее точности не возникало (ср. Vasevičiūtė ir kt. 2004; Zinkevičius 2006). В основном все придерживались тех контуров, которые были обозначены в опубликованной современной классификации диалектов литовского языка. Это было возможно до тех пор, пока не появился материал по северной части вильнюсского поддиалекта восточных аукштайтов, позволивший подкорректировать границу между утенским и вильнюсским

поддиалектами. В настоящее время граница уточнена в ареале примерно между населенными пунктами Казитишкис, Дукштас и Римше (подробнее см. Kardelis 2009: 90–97). Однако предварительные исследования показывают, что эту границу можно и дальше корректировать. К тому же с корректировкой границ поддиалектов связаны и определенные методологические вопросы.

В сообщении будут освещены перспективы пограничного исследования вильнюсского и утенского поддиалектов восточных аукштайтов, намечена проблематика и обозначены спорные методологические аспекты исследования. Для обсуждения будут представлены следующие важнейшие вопросы:

а) ареалы, в которых граница между вильнюсским и утенским поддиалектами может корректироваться на основе лингвистических (особенно фонологических) критериев;

б) участки, где граница между вильнюсским и утенским поддиалектами исчезла в силу лингвистических и социолингвистических процессов;

в) вопрос диалектной зависимости литовских островков, находящихся в Латвии (ареал Даугавпилса) и в Беларуси (Апсо-Браславский ареал);

г) вопрос надежности языковых данных с литовских островов и их соотношение с миграцией населения.

Литература

- Bacevičiūtė ir kt. 2004 — Lietuvių kalbos tarmių chrestomatija / Sudarė R. Bacevičiūtė, A. Ivanauskienė, A. Leskauskaitė, E. Trumpa. Vilnius, 2004.
- Girdenis, Zinkevičius 1966 — A. Girdenis, Z. Zinkevičius. Dėl lietuvių kalbos tarmių klasifikacijos // Kalbotyra XIV, 1966. — p. 139–147.
- Kardelis 2009 — V. Kardelis. Šiaurės rytų aukštaičiai vilniškiai: ribos ir diferenciacija. Vilnius, 2009.
- Zinkevičius 2006 — Z. Zinkevičius. Lietuvių tarmių kilmė. Vilnius, 2006.

Содержание

<i>А. В. Андронов (Санкт-Петербург)</i> . О подготовке к изданию трудов А. Абеле	1
<i>А. С. Асиновский (Санкт-Петербург)</i> . Проблемы изучения просодики в младописьменных языках	3
<i>I. Auziņa, G. Rābante (Rīga)</i> . The prosody of <i>yes / no</i> questions of Latvian	4
<i>Р. Бацявичюте-Бакшене (Вильнюс)</i> . Слоговые интонации в западноаукштайт- ском каунасском диалекте: обзор экспериментальных исследований	6
<i>О. Н. Глотова, Д. А. Кочаров, Т. В. Чукаева, П. А. Скрелин (Санкт-Петербург)</i> . Исследование произношения русских гласных при помощи электромагнит- ного артикулографа	7
<i>М. В. Гордина (Санкт-Петербург)</i> . Возможности исследования звуков речи с помощью кимографических методов	8
<i>А. Д. Даугавет (Санкт-Петербург)</i> . Взгляды А. Абеле на слоговую долготу в сопоставлении с современными фонологическими теориями	9
<i>К. В. Евграфова, В. В. Евдокимова (Санкт-Петербург)</i> . Исследование акусти- ческих и артикуляторных характеристик речи, связанных с усталостью	10
<i>В. Кардялис, А. Маркаускайте (Вильнюс)</i> . Вильнюсский поддиалект восточных аукштайтов: от описания особенностей до корпуса диалекта	11
<i>Ю. А. Клейнер (Санкт-Петербург)</i> . Анна Абеле: фонология до Н. С. Трубецкого ..	13
<i>S. Kļaviņa (Rīga)</i> . Anna Ābele in the University of Latvia (LU)	14
<i>Л. Лейкума (Рига)</i> . Диалектный контекст первой грамматики латгальского литературного языка	16
<i>A. Leskauskaitė (Vilnius)</i> . The Accents of the Long Vowels in the Southern Aukštaitian: Distinctive Features and the Impact of Spontaneous Speech	17
<i>L. Markus-Narvila (Liepāja)</i> . Characteristic morphological peculiarities of Rucava dialect in the materials of K. Barons “Dainu Skapis” and their parallels in subsequently recorded dialect materials	18
<i>В. Мейлюнайте (Вильнюс)</i> . Исследования фонетики паневежских говоров: традиция и перспективы	20
<i>М. Б. Попов (Санкт-Петербург)</i> . К вопросу о становлении морфологического критерия в фонологии	21
<i>Д. Рудзинскас (Вильнюс)</i> . Восточный вариант древней литовской письменности и новая классификация говоров восточных аукштайтов виленчан	22
<i>Н. Д. Светозарова (Санкт-Петербург)</i> . Фонетические институты 1910–20-х гг. в Петербурге — Петрограде — Ленинграде	23
<i>Э. Трумна (Даугавпилс — Рига)</i> . Изоглосса восходящей и прерывистой инто- нации в приграничной зоне латгальских и селонских говоров верхнелатыш- ского диалекта	25
<i>Й. Урбанавичене (Вильнюс)</i> . Экспериментальное исследование слоговых интонаций дифтонгов в вильнюсских восточно-аукштайтских говорах	26
<i>Г. Юдзянтите, В. Кардялис (Вильнюс)</i> . Вильнюсский и утенский поддиалекты восточных аукштайтов: перспективы пограничного исследования	27